

Клавдия Владимировна Лукашевич

Тряпичник

Клавдия Лукашевич

Тряпичник

«Public Domain»

1907

Лукашевич К. В.

Тряпичник / К. В. Лукашевич — «Public Domain», 1907

«– Костей, тряпок, бутылок, банок продать!.. Костей, тряпок продать!.. – гулко раздалось на большом дворе. Каменный дом высился в пять этажей, двор был четырехугольный, покрытый асфальтом и представлял из себя как бы колодец... Шаги, говор, крики и различные уличные звуки эхом отдавались в этом колодце и гулко разносились по всем этажам...»

Содержание

I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Клавдия Владимировна Лукашевич

Тряпичник

I

– Костей, тряпок, бутылок, банок продать!.. Костей, тряпок продать!.. – гулко раздалось на большом дворе. Каменный дом высился в пять этажей, двор был четырехугольный, покрытый асфальтом и представлял из себя как бы колодец... Шаги, говор, крики и различные уличные звуки эхом отдавались в этом колодце и гулко разносились по всем этажам.

– Костей, тряпок, бутылок!.. – завел было опять гнусливый детский голос.

– Пошел вон!.. Вон пошел... Нельзя здесь кричать... Не допускается... Пошел вон сейчас! – закричал кто-то громким басом. Детский голос смолк. Некоторые из жильцов выглянули из окон и увидели, что дюжий, здоровенный дворник толкал и гнал со двора мальчугана, грязного, оборванного с серым холщовым мешком за плечами.

– Пошел вон, дрянной... Вот я тебе! Видишь надпись?! Тряпичникам сюда нельзя ходить.

– Да я неграмотный, дядюшка... – начал было мальчик.

– А, ты еще разговаривать. Вот я тебя! – закричал дворник.

Мальчик побежал от него, испуганно оглянулся и скрылся за воротами. Он вышел на улицу, постоял в раздумье на панели и пошел по направлению к соседнему переулку. Здесь он заглянул в один двор, подумал, посмотрел кругом, но увидев опять дворника, поспешил уйти. Он вошел в ворота, которые ему показались менее опасными; во дворе оказался даже с одного края деревянный флигель; двор был маленький, грязный; ходили куры, валялись бумажки, бегали собаки, кошки, ребятишки; одна девочка сидела на камнях босая, полуодетая и сосала яблоко. Мальчик был уверен, что отсюда его не прогонят.

– Костей, тряпок, бутылок, банок продать!.. – закричал громко мальчик, приложив одну руку к уху.

– Эй, кости, кости, сюда! – раздался откуда-то сверху женский голос.

Тряпичник обернулся и долго глядел кругом. Он не мог понять, откуда его звали, и подумал, что кто-нибудь шутит. Он долго стоял в раздумье и снова завел свою унылую песню.

– Эй, тряпки, тряпки! Сюда, тебе говорят... Слепой ты что ли?! На самый верх ступай...

Мальчик наконец увидел в самом верху дома высунувшееся из окна красное, круглое лицо женщины.

– Сюда, сюда, вон по той лестнице, в четвертый этаж...

Тряпичник быстро и радостно направился к указанной лестнице. Он взмошел, как ему показалось, на 4-й этаж и боязливо постучал в дверь. Дверь открыла маленькая, сухенькая старушка с острым носом, в очках.

– Что тебе нужно? – сердито закричала она.

– Костей, тряпок...

– Вот я тебе задам костей, тряпок! Как ты смеешь стучать?! Сейчас дворника позову... Эдакие-то мальчишки живо обворуют... Пошел вон! – сердясь, закричала старуха и затопала ногами.

– Эй, бутылки, бутылки сюда! – послышался голос сверху, и мальчик, испуганный негостеприимной встречей, бросился наверх по лестнице. Там в дверях стояла толстая, красная, как кумач, кухарка в пестром переднике и с засученными рукавами.

– Вот смотри, мальчишка: у меня шесть бутылок, 12 склянок и корзина костей... Смотри, кости какие, что сахар.

Тряпичник увидел действительно чистый, хороший товар.

– Сколько ты хочешь? – спросил он.

– А ты сколько дашь? Считай хорошенько и давай цену настоящую!

Мальчик начал перебирать бутылки, склянки и кости и долго считал и в уме и по пальцам.

– За все 15 копеек, – сказал он.

– Да ты ошалел что ли? Ты какую мне цену-то говоришь?! – рассердилась кухарка. – Ты, может, хочешь даром забрать?!

– Зачем же даром!... Бутылки я считал по 1, 5 коп за штуку, склянки по 4 на копейку, и за кости 3 копейки.

– За такие-то кости?! – громко воскликнула кухарка и всплеснула руками. – Да в своем ли ты уме? У нас господа мясо первый сорт едят... Да я целый месяц кости копила... Да чистые-то они какие! Уходи-ка ты лучше, мальчишка, по добру по здорову!

– Хочешь за все 20 копеек? – спокойным, невозмутимым тоном предложил мальчик.

– Тридцать копеек, и не спущу ни гроша...

– Нет дорого... Нельзя так дать.

– Ну и убирайся... Продам без тебя. Другой и не такую цену даст.

Мальчик пошел задумчиво. Он знал, что кухарка отдает свой товар сходно, и каждый тряпичник сразу даст эту цену. Но у него был недостаток в деньгах. Внизу на лестнице он остановился в раздумье, вынул из кармана засаленную грязную тряпку, вывернул из нее медные деньги и стал считать.

– Пять, десять, тринадцать, четырнадцать, двадцать и еще две. Всего 22 копейки... – проговорил мальчик. Он, конечно, отлично знал свой капитал, но пересчитал его еще раз для верности.

В уме его было решено на 2 копейки купить хлеба, на копейку либо яблоко, либо леденцов, а на остальное товару... Но тут представлялся исключительный выгодный случай. И он решил остаться и без хлеба, и без леденцов, лишь бы купить у этой кухарки и бутылки и кости.

Он быстро поднялся наверх, открыл дверь и робко просунул голову.

– Слышь, тетушка, хочешь за все 22 копейки... Право, даю хорошо... Никто больше не даст. Уступай!

– Хочешь, так давай четвертак... И больше не сбавлю... Дам тебе еще тряпку в придачу, – сказала кухарка поласковее. Она видела, что ее торг идет успешно и была уверена, что мальчик сейчас же согласится.

Но он ушел. И долго стоял на лестнице, придумывая, как вывернуться и что предпринять в этом деле, которое для него было так интересно и важно. Как ему было обидно и досадно, что нет у него еще трех копеек... Он опять пересчитал деньги в грязной тряпке, – это были все те же 22 копейки, завернул их и, что-то сообразив, бросился опять наверх, опять открыл дверь и робко просунул голову. Кухарка обернулась и взглянула улыбаясь.

– Тетушка, ты отдай мне все за 22 копейки, а пузырьки я не возьму... Другому продашь... Вот и будет хорошо, и тебе выгодно... А у меня денег не хватает.

– Пошел вон! Ах ты... нищий торговец! – закричала кухарка. – Или бери все, или ничего. Уходи вон!

И она, рассердившись, так хлопнула дверью, что чуть не прищемила мальчику руку. Он убежал со всех ног огорченный и обиженный.

День вышел неудачный. Маленький тряпичник много и долго еще кричал по дворам: «Костей, тряпок, бутылок, банок продать!..» Большею частью со дворов его гнали. Кое-где он купил костей, купил несколько пузырьков из-под лекарств, и у него еще оставался пятак.

На отдаленных улицах города он заходил на задние дворы, разыскивал помойные ямы и разрывал их, то отыскивая грязную тряпку, то пузырек, то кость... Запах там был ужасный, так что даже привычному мальчику становилось дурно. Но это был его промысел, работа: она его кормила... А есть каждому необходимо... Разрывая одну из таких помойных ям, особенно

грязную, мальчик вытащил несколько костей и тряпок и был очень доволен. Он свалил все в мешок и перекинул его на плечо; мешок был уже довольно тяжелый и запах от него шел отвратительный. Затем мальчуган обтер руки о полу своего рваного кафтана и вышел на улицу. Тут только он почувствовал, что ему хочется есть и что он устал: ноги ныли, спину ломило, голова была точно налита свинцом. На улице стоял осенний ветреный день, а одет он был плохо. Старый кафтан едва прикрывал худое тело, на ногах были дырявые сапоги. Мальчик еле-еле тащился с мешком за плечами. Около первой же мелочной лавки он спустил мешок на землю, зашел и купил фунт хлеба, соли и луку и на копейку леденцов. Он нашел укромную улицу, на которой мало было домов и мало прохожих, присел у заколоченных ворот забора, отделявших какой-то пустырь, мешок положил рядом и с жадностью стал есть хлеб и лук, обмакивая его в соль. Лук он заедал леденцом. Потом опять ел хлеб... Потом опять лук и снова сосал леденец и вытирал рот то рукою, то рукавом кафтана.

Он жевал медленно, задумчиво. Усталость и детские годы брали свое. Все предметы вдруг стали ему казаться маленькими, как бы в тумане... Все сливалось и мешалось перед глазами... Наконец, мальчик не мог преодолеть усталость, сон одолел его и, припав на свой грязный мешок, он заснул крепко и сладко. Шапка его сползла на затылок, темные волосы растрепались на лбу, лицо было худенькое, бледное, рот полуоткрыт. В руках он держал головку зеленого луку и кусок хлеба.

II

Мальчик тряпичник неожиданно проснулся от сильного толчка. Он сначала ничего не мог сообразить, не мог прийти в себя и понять, где он, что с ним...

– Мамка, Паранька... – проговорил он спросонок, протирая глаза и оглядываясь.

– Нет, брат, не мамка и не Паранька, а просто Ванька, – отвечал ему знакомый голос, и кто-то рассмеялся и похлопал его по плечу.

– Это ты, Ваня... А я-то задремал, – проговорил спавший.

– Я... Давно тут стою... Жалко было будить тебя.

Перед ним стоял товарищ, такой же тряпичник, как и он, но только еще худощавее и поменьше ростом, чем он.

– Ну и спал же ты, брат... Храпел, свистел, как машина. Право...

– Замаялся! – ответил тот.

– Ну что, Васюха, какова добыча!

– Плохая!

– И у меня, брат, плохая... Ничего не осталось... А, поди, еще хозяин заругает... Достанется... Боязно идти домой.

– Конечно, заругает. Хорошо, если еще не поколотит... Ему что: разве он наши спины да бока жалеет... Не свои...

Мальчик, который назвался Ванькой, тоже присел около забора. Оба они были такие усталые, жалкие, грязные. Они поговорили о своих делах. Дела эти все вертелись около костей, тряпок, бутылок и банок. Вася рассказал про толстую кухарку, про то, как бы он мог выгодно купить товар, какие хорошие были кости: большие, чистые, белые, что сахар, и как много их было, и еще тряпка в придачу...

– Я уж вышел, смотрел, смотрел – нет ли кого из нашей артели, жалел-то как... Конечно, потом она продала... Поди, не торгуясь, взяли такое добро.

Оба погоревали над неудачей.

– Однако домой надо, – сказал Вася, поднимаясь и взваливая на плечо мешок.

Ваня тоже поднялся.

– Далеко тащиться... Придем, уже стемнеет... Еле ноги ходят. Право... Что свинцом налиты.

Мальчуганы пошли потихоньку, нога за ногу, изредка перекидываясь словом, другим.

Путь их, действительно, был дальний. Сначала они шли по улицам шумного города с большими домами, каменной мостовой, перешли несколько мостов, потом пошли по закоулкам с невзрачными деревянными домами. Прошли заставу. Потом улиц уже не было, а были пустыри да поля. Далее опять появились домики, редкие, плохие... Там ютилась самая беспросветная беднота города.

Прошло два часа, как шли к дому наши мальчишки. Уже стемнело, когда они подошли к мрачному, кривому деревянному забору с полуразвалившимися постройками, стоявшему особняком.

От этого здания еще издали несся отвратительный, тяжелый запах. Мальчишки прошли калитку и сначала вошли во двор, а затем уже в подвал деревянного строения. Оттуда неслись крики. Кричали, очевидно, женщина и мужчина. Женщина сердито взвизгивала, а мужчина бранился басом.

– Опять хозяин и хозяйка ругаются, – проговорил Василий.

– Верно Федьку да Гришку поедом едят.

– Несчастные же они ребята, бесталанные, – со вздохом проговорил Вася.

Мальчики вошли в большую, полутемную горницу, похожую на сарай. Здесь было ужасно для свежего человека. Воздух был такой душный, тяжелый, что, как говорится, топор мог бы держаться в этом воздухе. Сыро и смрадно... Горницу с нарами по краям освещала повешенная на стене маленькая лампа, которая коптела и дымилась. Окна были на самой земле, потолки низкие, черные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.